

ВИКТОРИЯ ПИЧУГИНА

Российская академия образования, Институт стратегии развития образования, центр Педагогической компаративистики

ВОСПИТАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К МОЛОДОСТИ И СТАРОСТИ В НАСЛЕДИИ ЦИЦЕРОНА¹

Training of attitude to young and old age in Cicero's legacy

In this article Cicero's ideas of training of attitude to youth and old age in his compositions, speeches and letters are analyzed. Connecting personal and others experience of living in different age, Cicero insists on need of the responsible attitude towards these two age. Youth and an old age are considered by it as very individual states which are felt and estimated by different people very differently. According to Cicero, correctness of feelings and estimates is possible and necessary to training.

Keywords: youth, old age, Cicero's legacy, training of attitude to youth, training of attitude to old age

В сочинениях Марка Туллия Цицерона (106 до н.э. – 43 до н.э.) тема воспитания адекватного отношения к возрасту является одной из ключевых. Через письма, речи и сочинения на разные темы он проводит одну и ту же мысль: жизнь человека можно назвать прожитой достойно, если на всех ее этапах его слова и дела были адекватны возрасту, в котором он находился. Квинтэссенцией рассуждений Цицерона на тему возрастных переходов и их правильного понимания является следующее утверждение:

Жизнь течет определенным образом, и природа идет единым путем, и притом простым, и каждому возрасту дано его время, так что слабость детей, пылкость юношей, строгость правил у людей зрелого возраста и мудрность старости представляются, так сказать, естественными чертами характера, которые надлежит приобретать в свое время (Cic. Sen. IX. 33) (Цицерон 1974, 15).

---

¹Работа поддержана грантом РГНФ 16-06-00004а

Значимые для Цицерона концепты – «молодость» и «старость» – являются сложными ментальными образованиями, объединяющими широкий спектр значений, смыслов и ценностей. Определение понятий «молодость» и «старость» была, есть и будет непростой задачей, поскольку речь идет о двух достаточно длительных и очень индивидуальных процессах, двух статусных и соматических состояниях, двух разных по продуктивности этапах человеческой жизни. Говоря о них, Цицерон часто старается апеллировать к собственному опыту и помещать в сочинения эпизоды из своего прошлого или настоящего. Во многих сочинениях он вспоминает свою молодость и подчеркивает, что этот возраст красит скромность, стремление учиться и общаться с просвещенными людьми (Cic. De Or. II.1.1.3; Cic. Off. I.4). Пороки, свойственные молодому возрасту, Цицерон делит на те, которые можно и нельзя извинить. К первым, например, относится амбициозность, запальчивость, желание доказать свое превосходство, а ко вторым – пагубные привычки, несдержанность в речах и поступках.

В речи *В защиту Марка Целия Руфа* Цицерон говорит о том, что знает немало примеров и того как люди «молодость потопили в наслаждениях», а в зрелости достигли славы и почета (Cic. Cael. XII. 28). В этой речи Цицерон сначала говорит, что не смеет просить снисхождения, указывая на молодость обвиняемого:

Не нужны мне ссылки на возраст... я добиваюсь одного: как ни возмущают нынче всех нас мотовство, и наглость, и распутство молодежи, – а они нас возмущают, и как нельзя более, – пусть чужие погрешения не ставятся Целию в вину, пусть пороки его возраста и нашего времени не станут ему во вред (Cic. Cael. XII. 30) (Цицерон 1975, 156).

Чуть дальше Цицерон говорит, что иногда стоит уступать молодости, давать ей немного воли и закрывать глаза на действия по наслаждению, а не по рассуждению:

Надобно лишь держаться вот каких правил: пусть юноша хранит свою стыдливость и не покушается на чужую, пусть не расточает отцовского добра, не разоряется от лихвы, не посягает на чужой дом и честь, не позорит невинных, не пятнает непорочных, не бесславит добрых людей, не грозит насильем, не вредит коварством, сторонится темных дел (Cic. Cael. XVIII. 42) (Цицерон 1975, 156).

Выстроив этот кодекс добродетели, Цицерон все же отказывается от своих первоначальных слов и просит судей явить почтение к старикам и снисхождение к молодым, поскольку любой оступившийся юноша чей-то сын, чья-то надежда и опора.

В *Речи в защиту поэта Авла Лициния Архия* Цицерон исходит из иной логики: он не просит извинить пороки юного обвиняемого, а предлагает восхититься его достоинствами. Цицерон подробно описывает этапы становления поэта, который всегда горел желанием учиться и развивать свой талант, постепенно превзойдя славой писателей во всей Греции (Cic. Arch. III. 4). Далее Цицерон абстрагируется от конкретного человека и начинает рассуждать о молодых людях своего времени в целом: «Если бы литература не помогала им проникнуться доблестью и воспитать ее в себе, они к ней, конечно, никогда бы не обратились» (Cic. Arch. VII. 16) (Цицерон 1994, 156). Умение самостоятельно найти себя в занятиях, которые «воспитывают юность» (в частности, в литературе) кажется Цицерону самым прекрасным умением, отличающим его подзащитного.

В трактате *Об обязанностях*, написанном Цицероном-отцом для сына, он старается сопоставить молодость и старость через спектр присущих этим возрастам обязанностей. По мнению Цицерона, высшее благо для любого достойного гражданина своего общества – это исполнение своих обязанностей, которые разнятся в зависимости от возраста, опыта, знаний и сферы деятельности. Именно посредством достойного выполнения обязанностей происходит служение государству и действия на благо обществу и самому себе. В этом Цицерон видит «нравственную красоту жизни», а в пренебрежении обязанностями – позор (Cic. Off. I. 2.4). Цицерон приводит некую иерархию обязанностей согласно возрасту, которые являются сосредоточением воспитательной силы: «Итак, долг юноши – чтить старших годами, а из них избирать наилучших и самых уважаемых, дабы опираться на их мудрость и авторитет» (Cic. Off. I.XXXIV. 122) (Цицерон 1974, 89). Было бы полезным, утверждает Цицерон, чтобы люди обращались за советом к «ученым людям», чтобы узнать их мнение относительно разных обязанностей. Если люди всех возрастов будут правильно понимать и честно исполнять свои обязанности, то и процесс воспитания будет успешен. Кроме того, это будет залогом законности во всем государстве, где исчезнет произвол, и народ будет процветать. Цицерон обращается к старикам, которые должны быть примером молодым, а значит ежеминутно остерегаться праздности

и невоздержанности, т.е. всего того, с чем особенно нужно бороться в юности (Cic. Off. I.XXXIV. 122). Именно обязанности перед самим собой, своим народом и государством должны мотивировать поступки по-настоящему достойных граждан.

Цицерон подчеркивает, что написал *Об обязанностях* потому, что хочет продемонстрировать то, что соответствует возрасту сына и авторитету его отца. В очередной раз обращаясь к своему прошлому, он пишет о том как ревностно отдавался занятиям философией в юности, как много времени тратил на чтение и служение друзьям и государству. Цицерон так объясняет, что его наставления обязательно пригодятся сыну, поскольку молодость и старость должны идти рука об руку:

Ибо неосведомленность ранней молодости нуждается в дальновидности стариков, чтобы на ней основываться и ею руководствоваться. Но более всего возраст этот надо оберегать от страстей и упражнять в труде и выдержке как для духа, так и для тела, дабы при исполнении юношами как их воинского, так и гражданского долга их настойчивость проявлялась со всей силой. <...> Что касается стариков, то они, по-видимому, должны усилия для своего тела ограничивать, а упражнения для ума даже увеличивать; но им надо стараться оказывать своей мудростью и дальновидностью возможно большую помощь друзьям и молодежи, а более всего государству (Cic. Off. XXXIV. 122-123) (Цицерон 1974, 89-90).

В *О старости* Цицерон снова продолжает сопоставлять молодость и старость, но уделяет второму возрасту много больше внимания. Он ставит целый ряд риторических вопросов: что сменяется быстрее – молодость на старость или отрочество на молодость? есть ли возраст, в котором старость менее тяжкая? можно ли утешаться числом прожитых лет, если они атрибут неразумной старости? (Cic. Sen. II. 4). Цицерон подчеркивает, что молодость и старость – это возрасты с разным спектром дел: в молодости дела, в основном, требуют крепости тела, а в старости – разума (Cic. Sen.VI. 15). Гармоничным ему кажется то, когда старость «облегчается уважением и любовью молодости» и «молодые ценят наставления стариков, побуждающие их к добродетели» (Cic. Sen.VIII. 26) (Цицерон 1974, 366).

Для подкрепления своих мыслей Цицерон обращается к сочинениям Ксенофонта Афинского. *О старости* представляет собой последовательную оценку разных сочинений Ксенофонта с обсуждением высказанных им воспитательных идей. Цицерон обращает

внимание на то, что героями сочинений Ксенофонта выступают люди разных возрастов. Сначала Цицерон снова обращается к образу Кира, который был дан Ксенофонтом:

Впрочем, упадок сил сам по себе вызывается пороками молодости чаще, чем недугами старости:... У Ксенофонта Кир, тогда уже очень старый, перед смертью сказал, что он никогда не чувствовал, чтобы он в старости стал более слаб, чем был в молодости» (Cic. Sen. IX. 29-30) (Цицерон 1974, 14).

Далее Цицерон рассуждает на тему застольного воспитания на пирах, где старший наставляет младшего:

Мне лично доставляет удовольствие председательствование за столом, введенное нашими предками, и речь, которую, с кубком в руке, произносят с верхнего места, и кубки, как в *Пире* Ксенофонта... изо дня в день приглашаю я соседей к своему столу, и мы проводим за обедом возможно больше времени в разнообразной беседе до поздней ночи» (Cic. Sen. XIV. 46) (Цицерон 1974, 19).

Здесь Цицерон достаточно откровенно и образно рассказывает о личной жизни, сообщая, что жаден до разговоров и очень ценит пиры за скрепление связей между поколениями. Еще немного дальше Цицерон анализирует *Домострой* Ксенофонта и, высоко оценив эту книгу «об управлении имуществом», поясняет, что в ней содержатся удивительные педагогические находки. Сократ рассказывает Критобулу, что интерес к земледелию является интересом, достойным царя, и приводит в пример Кира Младшего, который собственноручно размечал землю и сажал деревья (Cic. Sen. XVII. 59). Эти усердные занятия, как подчеркивает Цицерон, являлись для Кира не просто увлекательным времяпрепровождением, а элементом его самовоспитательной программы, на которую следует обратить внимание. Затем Цицерон упоминает о Кире Старшем и по Ксенофону приводит цитату из его предсмертной речи, обращенной к сыновьям: «Ведь вы, пока я был с вами, души моей не видели, но на основании моих деяний понимали, что она пребывает в моем теле; так верьте же, что она – та же, хотя видеть ее вы не будете» (Cic. Sen. XXII. 79) (Цицерон 1974, 29). Это утверждение кажется Цицерону спорным, но, оттолкнувшись от него, он предлагает обратиться к прошлому своего государства и подумать над тем, что есть достойно прожитая жизнь. Столь интересный анализ педагогического наследия Ксенофонта осуществлен Цицероном, исходя из диалектики

«молодость – старость», представляет собой особый тип рецепции греческой культуры.

Если в речах и сочинениях Цицерон говорит о теории, то в письмах являет практику воспитания отношения к молодости и старости. Анализ переписки Цицерона разных лет позволяет говорить о том, что он обсуждал с адресатами проблемы своих близких и единомышленников совершенно разных возрастов. Часть писем адресована близкому другу Аттику², сестра которого была замужем за Квинтом Цицероном. В письмах к Аттику Цицерон часто извиняется за юношескую грубость брата по отношению к сестре Аттика, его импульсивность и недальновидность в политических решениях. Цицерон видит в Аттике мудрого наставника и стремится с его помощью стать таковым для своего брата Квинта. В одном из писем к брату он в очередной раз указывает ему, что тот уже не настолько юн, чтобы не понимать простые истины:

Тебе следует руководствоваться оценками и суждениями не только ныне живущих, но и будущих поколений, а их суждения, свободные от зависти и недоброжелательства, будут правдивее (Q. fr., I.1.XV. 43) (Цицерон 1949, 105).

Особый интерес представляет та часть писем Цицерона, где он рассуждает о воспитании маленьких Цицеронов или Цицерона (это слово во множественном числе обозначает его сына и племянника, а в единственном – только сына, Марка Цицерона Младшего). В этих письмах Цицерон стремится наставлять других и радуется, когда наставляют его. Он хочет убедить или просто обсудить с адресатом вопросы, касающиеся должного или недолжного поведения своих близких, которые периодически «выпадают» из своего возраста или «застревают» в нем. Одни впадают в детство, обижаются и капризничают, другие, напротив, преждевременно стареют и стараются обременить своими заботами окружающих.

В одном из писем Аттику Цицерон сетует, что покинут всеми и его положение почти лишает его настоящих друзей, поэтому он находит отдых только «в обществе жены, дочери и милейшего Цице-

---

² Аттик не просто вникал в карьерные и семейные дела Цицерона, но и отчасти вел его дела, оказывал содействие в покупке земельных участков и антиквариата, руководил домашним строительством, курировал бракоразводный процесс дочери Цицерона Туллии с Публием Корнелием Долабеллой, который в свое время был подзащитным Цицерона, а также оказывал финансовую поддержку при обучении сына Цицерона в Афинах.

рона» (Att., I. 18.1) (Цицерон 1949, 68). Он просит Аттика не забывать его и ждет их бесед, видимо, поскольку перечисленные собеседники в силу возраста не в состоянии полностью удовлетворить его жажду интеллектуального общения. В другом письме к брату он сообщает как рад тому, что племянник воспитывается под его контролем: «Твой сын Квинт, прекрасный юноша, получает превосходное образование. Я теперь лучше вижу это, потому что Тираннион обучает его у меня» (Q. fr., II. 4.2) (Цицерон 1949, 221). Через два года Цицерон снова пишет брату и сообщает о первых результатах этого обучения собственного сына:

...твой и наш Цицерон – ревностный последователь своего ратора Пэония, человека, думается мне, очень опытного и хорошего. Но, как ты знаешь, мой способ обучения несколько более ученый и богаче общими положениями. Поэтому я не хочу препятствовать Цицерону в его продвижении и в этом обучении, да и самого мальчика, по-видимому, более влечет и восхищает этот род упражнения в красноречии; так как я и сам отдал ему дань, то позволим и ему идти нашим путем; уверен, что он придет туда же, куда и я; все же, если я увезу его с собой куда-нибудь в деревню, то привью ему свои приемы и навыки (Q. fr., III. 3.4) (Цицерон 1949, 229).

В письме к Аттику от мая 50 г. Цицерон снова извиняется за юношеские вспышки гнева брата Квинта, который находится уже не в юношеском возрасте и выступает не самым лучшим примером для своего сына и сына самого Цицерона: «...ведь наибольшая часть его обязательств относится к мальчику, вернее, уже к юноше Цицерону, в чем я постоянно убеждаю его. Как мне кажется, тот очень любит мать, как он и должен, и удивительно привязан к тебе. Но мальчик обладает, правда, большим, но все же непостоянным умом; руководить им для меня достаточный труд» (Att., VI, 2. 2) (Цицерон 1950, 106-107). В письме от апреля 49 г. он продолжает эту же тему и просит Аттика руководить юным сыном Квинта, поскольку его отец слишком мягок (Att., X.6.2). Меньше чем через месяц Цицерон снова пишет Аттику. В его письме сквозит разочарование уже не только братом, но и племянником:

Юношу нашего не могу не любить, но хорошо понимаю, что он нас не любит. Я не видел никого, в такой степени лишенного нравственных устоев, в такой степени отвернувшегося от своих, в такой степени думающего неведомо о чем. О, невероятная сила огорчений. Но меня будет заботить и заботит,

чтобы у него было руководство. Ведь природный ум удивительный, но следует позаботиться о характере (Att., X. 10.6) (Цицерон 1950, 315).

Эта серия писем отражает перипетии семейного конфликта в семье брата Цицерона и сестры Аттика, где его племянник то конфликтовал с матерью, то вставал на ее сторону, то позволял себе нелицеприятные выпады в сторону отца и его новой супруги.

В апреле 44 г. Цицерон пишет Аттику письмо, где немного хвастливо замечает, что его сын пишет ему письма, демонстрирующие хороший уровень образования (Att., XIV. 7). Он просит Аттика поддержать юношу материально и повторяет эту просьбу в майском письме. Еще через месяц Цицерон снова пишет Аттику и снова восхищается качествами своего сына, который находится в одном из самых прекрасных возрастов: «Чем мой Цицерон скромнее, тем больше он трогает меня» (Att., XV. 15.4) (Цицерон 1951, 281). Эта серия писем, где отец хвалит сына перед Аттиком, обусловлена тем, что Цицерон в тот момент не мог сам поддержать материально сына, который находится на обучении у греческих наставников. Во всех упомянутых письмах Цицерон старается стать воспитателем для родных и близких: поддержать, посоветовать, поругать, посочувствовать. Особенно ярко это проявляется в последних письмах, где Цицерон все чаще говорит о смерти и все острее предчувствует, что она будет насильственной.

Плутарх сообщает об обстоятельствах смерти Цицерона, которые отражают жизненные, а не «книжные» результаты воспитания отношения к молодости и старости. Узнав, что он и брат объявлены вне закона, Цицерон отправляется на корабле к своему небольшому приморскому поместью. Сойдя на берег, он решает прилечь отдохнуть, но не в доме, а у моря. Рабы послушно относят его туда. В это время в дом врываются убийцы:

Найдя двери запертыми, они вломились в дом силой, но Цицерона не нашли, а все, кто был внутри, твердили, что знать ничего не знают, и лишь какой-то юнец, по имени Филолог, получивший у Цицерона благородное воспитание и образование, вольноотпущенник его брата Квинта, шепнул трибуну, что носилки глухими тенистыми дорожками понесли к морю (Plut. Cic. 48) (Плутарх 1994, 365).

Убийцы бросились в указанном направлении и сделали свое дело. Плутарх сначала пишет о том, что Цицерон гордо наблюдал за

приближением убийц и мужественно встретил смерть, а затем – что нам остается только пожалеть «одержимого страхом старика», прятавшегося от смерти, которая пришла за ним «не многим раньше срока» (Плутарх 1994, 368). Так или иначе, не последнюю роль в смерти Цицерона сыграл его юный воспитанник, не считавший необходимым сохранить своему пожилому наставнику жизнь.

В сочинениях, речах и письмах Цицерон очень оптимистично определяет молодость и старость: обозначив особенности каждого из этих возрастов, Цицерон старается доказать, что минусы можно превратить в плюсы, если человек сам этого захочет. Для Цицерона старость не является возрастом потерь, беспомощности и изнашивания организма. Он определяет ее периодом жизни, когда приходит время подвести итоги и подумать о том, удалось ли остаться в памяти потомков мудрым и заслуживающим уважение человеком. Аналогично определена им и юность: это возраст почти безграничных возможностей, которые открываются только тем, кто видит разницу между сиюминутным и вневременным. Приводя примеры из своей жизни, а также обращаясь к опыту «великих и славных», Цицерон старался воспитывать у своих современников ответственное отношение к этим двум возрастам.

ЛИТЕРАТУРА:

- Плутарх: *Сравнительные жизнеописания*, т. 2. Москва 1994.
- Цицерон: *Об обязанностях*, в: Цицерон: *О старости. О дружбе. Об обязанностях*, пер. В. О. Горенштейна. Москва 1974.
- Цицерон: *Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия*, в: Цицерон: *Эстетика: трактаты, речи, письма*. Москва 1994.
- Цицерон: *В защиту Марка Целия Руфа*, в: Цицерон Марк Туллий: *Избранные сочинения*, пер. с латин. сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирин. Москва 1975.
- Цицерон: *О старости*, в: Цицерон: *О старости. О дружбе. Об обязанностях*, пер. В. О. Горенштейна. Москва 1974.
- Цицерон: *Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту*, пер. и коммент. В. О. Горенштейна, т. I (годы 68-51). Москва-Ленинград 1949.
- Цицерон: *Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту*, пер. и коммент. В. О. Горенштейна, т. II (годы 51-46). Москва-Ленинград 1950.

Цицерон: *Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту*, пер. и коммент. В. О. Горенштейна, т. III (годы 46-43). Москва-Ленинград 1951.